

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.34
ББК 67.408.131

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

И. А. Воронина, А. В. Кирпичникова

Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)

Категория «экстремизм» все больше интегрируется в нашу жизнедеятельность, соответственно внося свои коррективы и в информационное поле. Именно последствием такого внедрения в цифровое пространство и стало появление термина «информационный экстремизм», который начинает набирать обороты достаточно стремительно. Конечно, такому стремительному распространению категории «информационный экстремизм» есть логическое объяснение: информационные технологии настолько сильно слились с частной жизнью индивидуума, что на сегодняшний день не представляется возможным рассматривать «цифру» отдельно от общественной и государственной надстройки. Соответственно различного рода деструктивные элементы в информационном пространстве также распространяются, нанося существенный вред как персональным пользователям, так и публичным институтам. Безусловно, государство реагирует на проявления злоупотреблений и правонарушений в цифровом мире, используя при этом весь доступный арсенал правовых средств предупреждения и борьбы с деструктивными действиями в информационной сфере, в частности с информационным экстремизмом. Однако стоит признать тот печальный факт, что, как правило, имеющиеся законодательные средства недостаточны для того, чтобы в полной мере предупредить правонарушения при использовании информационных технологий, поскольку последние идут на опережение.

В статье приводится понятие информационного экстремизма, дается характеристика данного явления через призму правовых норм, а также предпринимается попытка обозначить проблемы и перспективы решения данных проблемных зон в правовом поле.

Ключевые слова: экстремизм, информационный экстремизм, право, правовая норма, информация, информационные технологии

INFORMATION EXTREMISM: THE LEGAL ASPECT

A. I. Voronina, A. V. Kirpichnikova

Orenburg State University (Orenburg, Russia)

The category of “extremism” is becoming more and more integrated into our daily activities, making its own adjustments to the information field, respectively. Precisely, the consequence of such an introduction into the digital space is the emergence of the term “information extremism”, which is beginning to gain momentum quite rapidly. Of course, there is a logical explanation for such a rapid spread of the category of “information extremism” — information technology has merged so strongly with the private life of an individual that, today, it is not possible to consider the “figure” separately from the public and state superstructure. Accordingly, various kinds of destructive elements in the information space also continue to increase, causing significant harm to both personal users and public institutions. Of course, the state reacts

to manifestations of abuse and offenses in the digital world, using, at the same time, the entire available arsenal of legal means to prevent and combat destructive actions in the information sphere, in particular, information extremism. However, it is worth recognizing the sad fact that, as a rule, those available legislative means are insufficient to fully prevent offenses when using information technologies, since the latter are ahead of the curve.

The article presents the concept of information extremism, characterizes this phenomenon through the prism of legal norms, and attempts to identify problems and prospects for solving these problem areas in the legal field.

Keywords: extremism, information extremism, law, legal norm, information, information technology

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)1.13](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)1.13)

В целом понятию «экстремизм» в настоящее время уделяется достаточно большое внимание с точки зрения как права и политики, так и социального дискурса. Сейчас, при растущем масштабе распространения данного явления, можно встретить различные публикации на страницах многих изданий, посвященных проблеме экстремизма в целом, его разновидностям, одной из которых и является информационный экстремизм. Несмотря на это, в силу сложности самого понятия и разделения таких элементов, как «объект» и «субъект», категория «экстремизм» трудно поддается детализированному и объективному рассмотрению.

Так, окончательно понятие «экстремизм» сформировалось примерно в XX столетии. Например, С. Н. Фридинский считает, что «экстремизм представляет собой деятельность общественных, политических и религиозных объединений либо организаций, средств массовой информации, физических лиц по планированию, организации, подготовке, финансированию либо иному содействию ее осуществлению, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств, а также совершение действий, направленных на установление единственной идеологии в качестве государственной; на возбуждение социальной, имущественной, расовой, национальной и (или) религиозной розни, унижение национального достоинства; на отрицание абсолютной ценности прав человека; на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, а равно публичные призывы к осуществлению указанной деятельности и совершению таких действий» [1]. Безусловно, нельзя обойти стороной и иные точки зрения касательно категории «экстремизм». Так, например, под экстремизмом в некоторых источниках понимается деятельность различных объединений и организаций, а также граждан и должностных лиц, имеющая своей основой приверженность к крайним взглядам, сопровождаемая публичными и иными насильственными противоправными действиями по отрицанию конституционных принципов, прав и свобод.

В современных реалиях наиболее существенные формы приобретает такой подвид категории «экстремизм», как информационный. Такая тенденция связана прежде всего с тем, что в мире происходит стремительный скачок интеграции информационных технологий практически во все сферы жизнедеятельности общества и государства, однако стоит заметить, что на сегодня проблема мирового «захвата» информационным экстремизмом не наблюдается, но это пока. Само понимание «информационного экстремизма» сложнее, чем упомянутое явление (экстремизм) в общетеоретическом смысле, поскольку субъектом (носителем) противоправного (деструктивного) поведения является одно лицо, которое способно нанести существенный урон государственному строю и общественному порядку.

Надо отметить, что государство в лице своих правомочных органов осуществляет по-своему борьбу с подобным деструктивным элементом в сети Интернет (далее — Сеть) и масс-медиа. Так, анализируя положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2; 3], можно увидеть, что основным способом блокировки информационных ресурсов, содержащих противоправный материал, является требование, исходящее от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, граждан, организаций и иных уполно-

моченных должностных лиц об ограничении доступа к информационному контенту, содержащему признаки экстремизма, и (или) ресурсам в Сети, деятельность которых признана нежелательной в соответствии с требованиями Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод гражданина Российской Федерации» [4]. Далее Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор) направляет обязательное требование к операторам связи о принятии соответствующих мер по ограничению доступа к информационному ресурсу, содержащему информацию, противоречащую федеральному законодательству, — в этом, собственно, и состоит процедура блокировки деструктивного материала в сети Интернет. Важно упомянуть, что подобная схема блокировки уходит своими корнями ко времени принятия Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» [5], который давал возможность органам государственной власти осуществлять блокировку интернет-ресурсов, подпадающих под категорию «экстремистские».

Однако при применении подобной процедуры блокировки и законодательного контекста возникают проблемы, заключающиеся в том, что часто используется субъективное обоснование мнения при первичном обращении в уполномоченный орган (Роскомнадзор), при этом затрагиваются и информационные платформы, которые осуществляют свою деятельность в рамках закона, в частности нарушаются права граждан в отдельных случаях. В подобных ситуациях возникает логический вопрос о целесообразности самих блокировок.

Еще одной немаловажной проблемой можно назвать обстоятельство, когда сам экстремистский материал изъять можно из публичного доступа, но фактически он (материал) так и останется на своем месте или же владелец конкретного сайта может отказаться от удаления подобного деструктивного контента, а в частых ситуациях — просто проигнорировать данное требование, особенно если сам противоправный материал (ресурс) находится вне пределов воздействия российской юрисдикции.

Следующей существенной проблемой можно назвать именно то, что установленная законодателем блокировка создавалась для печатных изданий первоначально, поэтому меры реагирования зачастую не соответствуют срокам распространения экстремистских материалов в сети Интернет. К тому же в российском праве достаточно размыта формулировка категории «экстремистские материалы», что, затрудняет идентификацию самого материала как экстремистского. Кроме того, если обратиться к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6], то в его положениях дано определение «экстремистской деятельности», которое не совсем корректно можно связать со значением понятия «экстремизм», данного в правовой литературе. К тому же определение «экстремизма» является закрытым и не содержит общих признаков экстремистских действий конкретно. Наконец, заключительной проблемой в затронутой теме можно назвать неоднородность содержимого материала, размещенного на информационном ресурсе, включая бесчисленное количество копий текстовых файлов, которые являются предметом рассмотрения на предмет запрета в суде.

Таким образом, процедура блокировки деструктивных (экстремистских) материалов по своему качественному контексту относится к обеспечительной мере и не должна создавать каких-либо ограничений для физических лиц. Например, в случае, когда владельцем интернет-ресурса является гражданин, то он обладает возможностью переноса ограниченной информации на другой ресурс, и подобное действие не будет подпадать под нарушение закона. Если анализировать ситуацию с существующей процедурой блокировки информации экстремистского характера, то можно констатировать, что она (процедура) представляет собой экономически нецелесообразное действие, поскольку огромный спектр средств и субъектов задействованы в рассматриваемом явлении, искоренить которое полностью не представляется возможным. Соответственно всегда следует учитывать, что индивидуум при желании найдет ту информацию и материалы, которые ему необходимы, так же как и сам способ обхода блокировок запрещенного Роскомнадзором контента. Однако озвученные выше проблемы не должны быть тем камнем преткновения, что станет стойким препятствием на пути борьбы с информационным экстремизмом. Российскому законодателю необходимо четко проработать само понятие «экстремизм», используя при этом эффективный опыт борьбы в данном поле зарубежных коллег по борьбе с экстремизмом, и информационным в частности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воронцова С. А. Понятие экстремизм и его существенные признаки // Философия права. 2007. № 4.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СЗ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 28.12.2013 № 398-ФЗ // СЗ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6963.
4. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод гражданина Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ // СЗ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.
5. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СЗ. 2002. № 30. Ст. 3031.
6. Карягина А. В. Информационный экстремизм в современном государственно-правовом пространстве // Философия права. 2010. № 4.